

Глава 28. Сезон дождей и угроза наводнения

С тех пор как Сыту Юй покинул столицу, он не знал покоя. Дело было не только в дорожной усталости, изнурявшей тело во время долгого пути. Гораздо глубже в его душе укоренилось мрачное, неотвязное чувство изгнания. Державный отец отослал прочь всех его наперсников по учебе, одним махом уничтожив те крохи влияния, что принц успел собрать с таким трудом. И вот теперь его отправили в Янчжоу. И пусть на словах все звучало благопристойно, на деле у него остался лишь пустой княжеский титул. С чем он вступит в будущую борьбу за престол? У его младших братьев за спиной стояли могущественные кланы матерей, у него же не было никого. Даже на дядю, державшего в руках военную власть, надеяться не приходилось — Сыту Юй ни на миг не верил, что тот примет его сторону.

Впрочем, теперь ему оставалось лишь покориться судьбе и выжидать, просчитывая каждый шаг. Он не верил, что отец оставит его в Янчжоу навсегда, да и господин Линь рано или поздно, года через два-три, вернется в столицу. Такую малость он вполне способен вытерпеть.

К счастью, все эти государственные заботы и мрачные думы обходили стороной двоих детей, что шумели перед ним. Сыту Цзинь никак не желал признавать поражение, забавно топая ногами от досады, однако это лишь пуще веселило Дайюй, не принося упрямцу ровным счетом никакого толка.

Поняв, что над ним безбожно потешаются, Сыту Цзинь обиженно отвернулся. У него на глазах заблестели слезы. Старший брат был слишком вредным — больше он с ним не разговаривает!

Сыту Юй легонько потрепал младшего по макушке, примирительно улыбаясь:

— Ну полно тебе, Сяо Цзинь, не сердись. Обещаю больше не смеяться. Но если ты сейчас разрыдаешься, сестрица Дайюй уж точно над тобой затужит.

Испугавшись, что шутка зашла слишком далеко, Дайюй поспешила к нему:

— Брат Цзинь, пожалуйста, не сердись на нас! Недавно я училась рукоделию у матушек и сшила шелковый кисет. Хочешь, я подарю его тебе?

Стоило Сыту Цзиню услышать о подарке, как от его обиды не осталось и следа. Он мигом просиял и нетерпеливо подался вперед:

— Сестрица, правда? Скорее отдай его мне! Только пообещай, что он достанется мне одному, а Сяо Чжияюаню ты ничего дарить не станешь!

Дайюй лишь тихонько рассмеялась, прикрыв рот ладонью, но обещать ничего не стала.

Сыту Юй лишь покачал головой. Сяо Чжияюань во всем остальном казался не по годам

рассудительным и взрослым, но стоило речи зайти о сестрице Линь, как он принимался соперничать с Сяо Цзинем с прямо-таки детским упрямством. Из-за этого младший принц постоянно поминал соперника недобрым словом.

У Сыту Юя как раз лежало письмо от Чжияюаня, адресованное Дайюй, однако, глядя на ревниво надувшегося брата, он рассудил, что лучше отдать его позже, без свидетелей.

Вскоре слуга доложил, что покои для дорогих гостей приготовлены, и предложил им пройти отдохнуть с дороги. В этот приезд свита принцев оказалась куда представительнее прежней — с ними прибыли и личные евнухи, и расторопные служанки, отчего управляющий Линь Чэн наконец облегченно вздохнул.

Как-никак, гости были высочайшего происхождения, и если доверить их обслуживание обычным слугам поместья, любая оплошность могла обернуться бедой.

Позже, когда Сяо Цзинь отвлекся, Сыту Юй все же вручил Дайюй письмо от Чжияюаня, а вместе с ним — изящно упакованный подарок, который тот приготовил к ее дню рождения.

Хотел ли первый принц при этом немного позабавиться, ведал лишь он сам. В конце концов, когда на душе кошки скребут, всегда приятно отвлечься на чужие невинные секреты.

Так братья и обосновались в поместье Линь. Для Сяо Цзиня все устроилось наилучшим образом: к нему пригласили наставника, чтобы тот обучал его грамоте вместе с Дайюй. Поначалу Линь Хай подумывал нанять двоих учителей, но младший принц воспротивился, да и великий князь Сыту Жуй рассудил, что в их нежном возрасте совместное обучение вреда не принесет.

Князь Жуй прекрасно понимал, что в будущем этих двоих свяжут лишь узы названного братства и сестринства. Линь Хай не стал спорить и лишь велел поставить посреди классной комнаты узорчатую ширму, разделившую их столы.

Нанятый учитель хотя и не мог сравниться славой с господином Гу И, все же пользовался добрым именем в ученых кругах, пускай и был уже в летах. На счастье, он оказался чужд закостенелого педантизма. Линь Хай представил ему Сяо Цзиня как дальнего родственника своей семьи. Старик наставник решил про себя, что хозяин дома присматривает себе приемного наследника, а потому лишних вопросов не задавал — тем более что дети общались непринужденно, как брат с сестрой, не давая повода для сомнений.

Разумеется, старшего принца, Сыту Юя, подобное детское обучение занять не могло. Но о нем позаботился Сыту Жуй. По будням, пока Линь Хай пропадал на службе в управе, грозный Бог войны лично наставлял племянника в ратном искусстве и воинских стратегиях. Дни их текли в тихих трудах и согласии.

На юге дожди лили часто, но особенно унылым было время, когда приходила затяжная летняя

мгла. Глядя на нескончаемую серую водяную пыль за окном, трудно было сохранить покой в душе. Прожив в Янчжоу без малого два года, Сыту Юй так и не сумел привыкнуть к этой промозглой южной сырости.

В один из таких ненастных дней у него выдался свободный час, и он решил провести его в обществе младшего брата и Дайюй.

Дети растут незаметно. За эти два года Дайюй преобразилась. Еще прошлой осенью почтенные наставницы начали обучать ее премудростям ведения хозяйства. И пускай она казалась совсем дитятей, под строгим надзором матушек девочка уже пробовала управлять домашними делами поместья. Как бы нежно Линь Хай ни любил свою единственную дочь, он понимал: благородной девице негоже расти праздной.

Рядом с не по годам серьезной сестрой Сяо Цзинь казался совсем непоседой, однако наставник хвалил его, уверяя, что у мальчика редкий дар к каллиграфии и живописи. Внемля этим речам, Сыту Жуй выписал для него лучшего мастера кисти. Кто же знал, что озорник применит свои умения весьма своеобразно — больше всего на свете ему нравилось рисовать портреты Дайюй в образе древних красавиц. Из-за этого Линь Хай, стоило ему застать мальчишку за подобным занятием, неизменно хмурился и награждал его суровым взглядом.

Сыту Юй взирал на эти детские забавы со спокойной улыбкой. За два года на юге он повзрослел, остепенился и научился сдерживать порывы. Помогая Линь Хаю в делах, он сполна рассмотрел на тайные пружины и интриги чиновничьего мира.

Именно поэтому сегодня его взгляд оставался задумчивым, а на сердце лежала подспудная тревога.

— Я вижу, брат Юй, твои мысли витают далеко отсюда. Пожалуй, нам стоит прервать партию, — с мягкой улыбкой проговорила Дайюй, заметив его замешательство.

Очнувшись от раздумий, Сыту Юй взглянул на доску и обнаружил, что его камни зажаты в тиски и обречены. С тихим смешком он бросил оставшиеся фишки в чашу.

— Прости, сестрица, заставил тебя скучать. И впрямь день сегодня не задался.

Дайюй, чье здоровье за последнее время заметно окрепло, сидела напротив него — стройная, изящная девица, в чьем чутком, глубоком взоре уже угадывалась будущая пленительная красота.

— Уж не из-за этих ли бесконечных дождей ты так хмуришься? — спросила она.

Сыту Юй ничуть не удивился ее проницательности. Он давно знал, каким блестящим умом наделена его названная сестра. Не будь она заперта в девичьих покоях, на императорских

экзаменах ей не нашлось бы равных.

И хотя он оберегал ее от грязных подробностей придворной борьбы, о важнейших событиях в провинции все же говорил с ней открыто. Ее суждения и понимание жизни давно превосходили узкий кругозор обычных домашних барышень.

— Ты угадала, сестрица, — вздохнул Сыту Юй. — Янчжоу стоит у самой воды, и каждый раз, когда небо затягивают тучи, над округой нависает угроза наводнения. В прошлом году нас миновала чаша сия, но теперь, боюсь, все гораздо хуже. Твой отец и мой седьмой дядя уже несколько дней не возвращаются в усадьбу.

Дайюй опустила взгляд. Она и сама извелась от тревоги, не видя отца столько времени, но его благородный нрав был ей слишком хорошо знаком. Хотя инспектору соляного надзора не вменялось в обязанность следить за речными плотинами, один из уездов оказался на грани катастрофы. Местное чиновничество, как водится, пеклось лишь о том, чтобы скрыть беду от вышестоящих властей, и пальцем о палец не ударило ради спасения людей. Мог ли Линь Хай остаться в стороне? Одно успокаивало душу — рядом с ним находился верный седьмой дядя.

Заметив, как погрузилась Дайюй, Сяо Цзинь отложил кисть и подбежал к ней:

— Не бойся, сестрица! Раз уж седьмой дядя там, беде не бывать. Он живо призовет к ответу этих негодяев и заставит их пожалеть о своей трусости!

— Сяо Цзинь прав, не тревожь свое сердце, — ободряюще улыбнулся Сыту Юй. Желая отвлечь ее от мрачных мыслей, он спросил: — Кстати, если посчитать дни, скоро должно прийти новое письмо от Чжиюаня?

При упоминании этого имени Сяо Цзинь недовольно надулся. Чжиюань был далеко, но в каждом своем послании умудрялся спрашивать у Дайюй то вышитый кисет, то поясную подвеску. Младший принц, мечтавший безраздельно владеть всеми ее подарками, втайне исходил ревностью. Сама Дайюй не жаловала иглу, берясь за шитье лишь ради тех немногих, кто был дорог ее сердцу.

— Боюсь, сейчас ему не до писем, — покачала головой Дайюй. — Недавно сестра Ваньжоу писала, что маркиз Тунъань запер его под замок. Кажется, третий брат ввязался в уличную драку. Ума не приложу, как он решился на такое безрассудство!

Упомянутая ею девица была младшей сестрой Чжиюаня, Сяо Ваньжоу. Благодаря стараниям брата они начали переписываться и, хотя ни разу не виделись лицом к лицу, успели искренне привязаться друг к другу. Из писем Ваньжоу представляла натурой благородной и на редкость искренней, что очень радовало Дайюй, истосковавшуюся по девичьему общению.

Сыту Юй тоже слышал об этой забавной истории. По правде говоря, Чжиюаню просто не повезло оказаться не в том месте и не в тот час, его вины там не было. Однако упустить случай

посмеяться над приятелем принц не мог, а потому ни капли ему не сочувствовал.

И если под крышей усадьбы Линь царило безмятежное спокойствие, то у самого Линь Хая дела шли из рук вон плохо.

Нынешнее лето выдалось небывало дождливым — с самого начала пятого месяца ливни не прекращались ни на день. Линь Хай, предвидя беду, неослабно следил за уровнем рек, стремясь уберечь округ от большой воды. Однако надзор за водными путями не входил в его обязанности. Генерал-губернатор русел рек, хоть и поддерживал с ним приятельские отношения, вежливо, но твердо пресекал любые попытки инспектора соляного надзора вмешаться в дела чужого ведомства.

Линь Хай надеялся, что его предостережения заставят речников принять меры, но уездное чиновничество проявило неслыханную дерзость. Понимая, что ветхая плотина не выдержит напора прибывающей воды, они вместо укрепления насыпей озаботились лишь тем, как бы подольше скрывать правду от начальства.

Видя, что жизни тысяч неповинных людей висят на волоске, Линь Хай наплевал на чиновничий этикет. В обход речного ведомства он самолично отправился в уезд Иян.

Увы, время было упущено. В ту же ночь река прорвала плотину в Ияне, и мутный поток хлынул на поля. Счастье еще, что Линь Хай успел взять власть в свои руки: отстранив от дела трусливого уездного начальника, он приказал немедленно уводить жителей на возвышенности. Жертв удалось избежать, но наводнение подчистую уничтожило все нажитое крестьянами добро.

— Жухай, выпей хотя бы это, — негромко произнес Сыту Жуй, с тревогой всматриваясь в осунувшееся от усталости лицо названного брата. — Ты не сомкнул глаз всю ночь. Если не подкрепишь силы, твое тело просто не выдержит.

Великий князь знал крутой нрав Линь Хая: уговаривать его бросить терпящих бедствие крестьян и вернуться в сухую усадьбу было бесполезно, оставалось лишь заботиться о нем здесь.

Линь Хай принял из рук друга пиалу с горячим целебным отваром и горько усмехнулся:

— Сам ведь видел, что творится на улицах. Как я могу спокойно спать? — При воспоминании о чиновничьем безразличии он гневно прищурился, а голос зазвучал сурово: — Эти тыловые пиявки из речного приказа... Какая низость! Я допросил иянского судью. Деньги, отпущенные казной в прошлом году на укрепление берегов, до уезда даже не дошли — их целиком разворовали в верхах!

— Дела в речном ведомстве гниют годами, — мягко перебил его Сыту Жуй, стараясь умерить его пыл. — Твоим гневом сейчас плотину не восстановишь. Сначала выпей лекарство.

Не дожидаясь согласия, князь сам поднес пиалу к губам Линь Хая, готовый напоить его, как больного ребенка.

Смутившись такой чрезмерной заботы, Линь Хай поспешно перехватил посуду и осушил ее до дна в несколько глотков, лишь бы пресечь настойчивость своего грозного заступника.

— Осторожнее, обжечься же мог, — покачал головой Сыту Жуй, невольно улыбаясь столь ребяческому упрямству.

Возвращая пустую пиалу, Линь Хай проговорил:

— По моим расчетам, Чжао Кунь прибудет в уезд уже сегодня к полудню. Мне нужно быть в управе, чтобы принять его доклады. Со мной ничего не случится, так что возвращайся лучше в город. На душе у меня беспокойно за Юй-эр, проведай ее.

Великий князь лишь приподнял бровь. Было очевидно, что Линь Хай просто пытается сплавить его подальше от уездной суеты. В городской усадьбе под защитой Сыту Юя и гвардейцев девочка находилась в полнейшей безопасности, чего нельзя было сказать о самом инспекторе. Не окажись Сыту Жуй вчера рядом, Линь Хай под проливным дождем стер бы ноги в кровь, лично раздавая указания на размытых дорогах.

Линь Хай, впрочем, сделал вид, будто не заметил красноречивого взгляда друга. Слова были сказаны, а уж если упрямый князь решит остаться наперекор его воле — что ж, против этой силы инспектор соляного надзора все равно был бессилен.

<http://bllate.org/book/18189/1759354>